

Мифология Сассекса в сказках Киплинга

Одна из важнейших составляющих английскости - это создание региональных мифов, которые во многом становятся результатом процесса национализации пейзажа.

О начале этого процесса можно говорить по-настоящему лишь с начала XIX века. В это время тема природы приобретает дополнительное социальное значение в английской литературе: с индустриализацией рубежа XVIII–XIX веков природное пространство воспринимается как имеющее особую ценность, привлекательное и мирное, в отличие от опасного и враждебного пространства города [1:226]. В этом смысле английская природа выступает как альтернатива городу, где англичанин может проявить свою склонность к упорядоченной жизни и уединенности, сохраняя личное пространство. Как отмечает М. Тимофеев со ссылкой на работы Д Лоуэнталя: «Четыре особых признака английского пейзажа часто используют для демонстрации его «национального характера»: изолированность, искусственность, неизменность и порядок» [6:178].

В искусстве пейзаж приобретает особое значение в английской живописной традиции, в конце XVIII-начале XIX веков противопоставившей себя французской и итальянской, и здесь намечены другие черты английского видения природы. Как отмечает В. Шестаков: «Это не только жанр изобразительного искусства, но и типично английский способ видения и общения с природой. Без пейзажа трудно представить Англию, и не только ее художественные галереи и музеи, но и сам стиль и уклад британской жизни. (...) В пейзаже проявились такие качества национального характера как эмпиризм, склонность к экспериментированию...»[8:70]. Эти особенности, безусловно, на более позднем этапе повлияли и на литературный пейзаж.

Традиционное английское стремление к практическому освоению всего окружающего приводит к тому, что утилитарное отношение к природе

сохраняется в английской литературе наряду с эстетической функцией пейзажа. В романах Джейн Остен пейзажные описания редки и функциональны. Пейзаж появляется при описании дома Дарси для того, чтобы подчеркнуть величественность и значимость дома. Ценность пейзажа определяется тем, насколько хороший вид он предоставляет владельцам дома: «Пока они проходили по другим комнатам, ландшафт менялся, но из каждого окна было чем любоваться»[5:202]. В другом романе, «Нортенгерское аббатство», ценность пейзажа обусловлена его уместностью на живописном полотне[5:402]. Неразделение эстетической и практической значимости в английском литературном пейзаже сохраняется и в описаниях конца XIX века. В романе Т. Гарди «Тэсс из рода Д'Эрбервилей» описание долины Блекмур тесно связано с ее сельскохозяйственными характеристиками: «Эта плодородная и защищенная область, где поля никогда не бывают сожжены солнцем, а источники никогда не пересыхают...»[2:10].

Романтическое восхищение пейзажем и обозначение его утилитарной значимости являлись, тем не менее, скорее национальным способом отображения пейзажа, нежели национальным пейзажем в полном смысле слова. Осознание пейзажа как национального в литературе, на наш взгляд тесно связано с осознанием специфики английского пейзажа, которая состоит в его разнообразии. К. Хьюитт отмечает, что Англия, небольшая по территории геологически весьма разнообразна[1:224]. В другой работе исследовательница уточняет: «Здесь, в сельской местности, геология, география и история соединяются, в результате каждый район имеет свой, совершенно особенный характер»[7:67]. С этой особенностью географии острова, на наш взгляд, связан тот факт, что отражением специфически английского характера в английской литературе становится «странный», необычный пейзаж, порождающий странные натуры и странное поведение, который появляется в английской литературе на закате реализма и в эпоху предромантизма. Национализация пейзажа развивается постепенно: первоначально он становится средством психологической характеристики и фактором сюжетного

развития и лишь затем фактором, определяющим национальный характер персонажа или сам национальный характер сюжета.

С середины XIX века специфический пейзаж той или иной местности Англии символизируется, в том числе, через обозначение его особого влияния на характер героя или даже на ход событий. Данная особая функция английского пейзажа, напрямую связанная с особенностями национального характера порождена самой его спецификой.

В романе Эмили Бронте «Грозовой перевал» специфический пейзаж становится средством психологической характеристики героев, именно он порождает особенные характеры героев романа. Тенденция соединять особый тип организации пространства и особый характер, на грани патологии, становится традицией в английской литературе. В «Лунном камне» У. Коллинза это Зыбучие пески, которые тесно связаны с необычным характером служанки Розанны Спирман. Описание Йоркширских Зыбучих песков уже предопределяет их особую сюжетную функцию (стать местом самоубийства служанки): «Песчаные холмы спускаются тут к морю и оканчиваются двумя остроконечными скалами, выступающими из воды друг напротив друга, одна называется Северным, а другая – Южным утесом. Между этими двумя скалами лежат самые ужасные зыбучие пески на всем йоркширском побережье. Во время отлива что-то происходит в глубине, заставляя всю поверхность песков колебаться самым необычайным образом» [4:67]. Важную сюжетную роль играет специфический пейзаж в романе «Собака Баскервилей» А. Конан-Дойла, порождающий странные семейные легенды и определяющий атмосферу романа. В данном произведении интересно то, что осознание своего национального и семейного прошлого главного героя лорда Генри непосредственно связано с тем, как его психологическое состояние попадает под воздействие атмосферы болотистой местности. Описание мрачной атмосферы девонширских торфяных болот становится главным лейтмотивом романа, непосредственно связывается с не менее мрачной атмосферой средневекового дома Баскервилей и семейной легендой (о собаке Баскервилей),

и семейной тайной (происхождение Стэплтона). Эта атмосфера определяет и способ совершения преступления. Специфический пейзаж и постоянно дождливая, мрачная погода не в меньшей, а может и в большей степени, чем готический дом, предопределяет особенный национальный характер всего произведения.

Национализация пейзажа уже со второй половины XIX века тесно связана с его историзацией. По словам Д. Лоуэнталя: «Национализм усиливает восприятие пейзажа. Холмы, и реки, и леса перестают быть просто знакомыми; они становятся значимыми как места усыпальниц, сражений и мест рождения. Так, в Англии почти каждая сельская местность имеет поле, холм, реку или руины, которые связаны со святым, местным героем или памятным событием»[6:178]. Это ярко проявляется в творчестве Р. Киплинга, который уже в зрелые годы поселился в графстве Сассекс на юго-западе Англии, бывшее местом действия многих исторических событий. Как отмечает А. Слободжан: «Киплинг во всех сказках настойчиво, порой даже навязчиво подчеркивает связь прошлого с настоящим: сходство привязанностей и предрассудков людей разных эпох, их характеров и привычек..., сходство даже природных и погодных условий...»[3: 8]. При этом историзация пейзажа сочетается в включением исторического фона в контекст повседневности. В сказке «Доктор медицины» хорошо знакомый Дану и Юне камень – поилка для кур - оказывается чумным камнем, который выставлялся у деревни, зараженной болезнью. Историзация пейзажа является основой его национализации, сочетаясь с активизацией контекста национальной литературы, прежде всего, шекспировского контекста. Образ Пака (обладателя шерстистых лап), открывающего детям историю и мифологию земли Сассекса, заимствован из «Сна в летнюю ночь» Шекспира, что позволяет говорить и о подключении к национальному мифу пласта английской литературы и культуры. Подобно Томасу Мэлори, который включил в «Смерть Артура» фрагменты о взаимоотношениях Артура и Рима, Киплинг в сказке «Крылатые шлемы» вводит контекст римской истории, акцентируя одновременно

независимость Британии от Рима через указание на то, что «британские» римляне отличаются от собственно римлян чувством справедливости, независимостью и способностью взаимодействовать с местным населением (пиктами). Тем самым писатель не только активизирует тему преемственности великих империй, но и подчеркивает значимость черт национального характера британцев, в то же время вписывая «большую» историю в местное пространство, подчеркивая «местный» характер героизма древних обитателей Британии.

Р. Киплинг в «Сказках Старой Англии» создает мифологизированную версию истории территории Сассекса, объединяя общегерманскую («Меч Виланда» *Weland's Sword* (1906), «Холодное железо» *Cold Iron* (1910)) и британскую мифологию («Бегство из Димчерча», *Dymchurch Flit* (1906)) с мифологизированной английской историей («Доктор медицины» *A Doctor of Medicine* (1909), «Крылатые шлемы» *The Winged Hats* (1906)), предваряя тем самым методы Дж. Толкина (например, Киплинг уже сопровождает каждую сказку песней). В сказке «Нож и Меловые Холмы» (*The Knife and the Naked Chalk* (1909)) обыгрывается многообразие английского пейзажа, сюжет построен на противопоставлении прибрежных белых Меловых Холмов, которые дали Англии название Альбион (от лат. *albus* – белый), которые в сказке представляют мир германских сказаний и леса, мифологизированного в кельтских легендах.

Предметом мифологизации становится каждый локус. В сказке «Бегство из Димчерча» создается мифология Ромнейского болота на юго-востоке Англии: «Я слышал, некоторые говорят, что мир делится на Европу, Азию, Африку, Америку, Австралию и Ромнейское болото» [3:40]. Киплинг объединяет мифологию (истории о феях, которые «предпочитают их Болото всем другим местам в «Старой Англии»), историю (рассказ о короле Генрихе VIII, который инициировал реформацию и напугал фей «потому что согласие между людьми для них также необходимо как еда и питье» [3: 46]) и

повседневность (история вдовы Уитгифт, история осушения болот) и создает новый миф одного из топосов Старой Англии.

Мифологизация национального пространства сопровождается созданием нового национального героя. Сознательный выбор героического пути центральным персонажем каждой из сказок, готовым пожертвовать собой ради своих соплеменников (Парнезий и Пертинакс в «Крылатых шлемах», сын вдовы в «Бегстве из Димчерча», сын Жрицы в сказке «Нож и Меловые Холмы», Ник Калпепер в «Докторе Медицины») предваряет путь Фродо в романе Толкина.

Рассмотрим подробнее первую сказку «Меч Виланда». Здесь вводится фигура Пака как носителя «древнего» истинного знания о «Старой Англии», древность которой («старше двадцати поколений дубов») ассоциирован именно с описываемым местом. Легитимизированная таким образом (через «личное» свидетельство Пака) «подлинная» древняя английская мифология противопоставляется вненациональным «вымышленным» (или искаженно представленным) персонажам детских сказок («крошечные феи в марлевых платицах со звездой в волосах, с крылышками как у бабочек»[3:22]).

Одновременно в сказке происходит национализация общеевропейских и общегерманских мифов, которые в рассказе Пака трансформируются в сюжеты, связанные с английской (локальной) территорией (история о неблагодарном фермере и о том, как Виланд выковал юноше Хью волшебный меч в благодарность за уважение). Аналогичную трансформацию переживают персонажи общеевропейских мифов (сэр Гюон, персонаж старофранцузского эпоса, Виланд, Тор, персонажи скандинавской мифологии), которые приобретают национальную специфику. Англия представлена Паком как место скопления «приезжих» богов («Все, кто здесь высаживался – галлы, юты, фризы, англ, датчане, привозили новых и новых богов»), которые не приживаются в Англии («в Англии богам было жить плохо» [3:23]) в силу неспособности местных жителей к созданиям культов и трансформируются в Жителей Холмов (Древнецов).

История Виланда национализируется за счет снижения его образа (некогда могущественный бог работает за деньги) в национальной среде, «привязывания» к местному ландшафту и вписывания в контекст повседневности (брод Виланда – Виллингфордский мост (трансформация названия)). Значимой особенностью киплингской мифологии является подчеркнуто бесконфликтное соединение древнейших языческих мифов и христианской реальности Старой Англии, которое в этом сюжете подчеркивается через осуждение фермера, мало заплатившего Виланду и оставившего его без благодарности только из-за того, что он – не христианский кузнец. В данном случае национальный уклад жизни (мирное сосуществование, уважение к каждому на этой земле) утверждается как более значимый, чем религиозные догмы как прошлого (ирония над прежним Виландом, огорченным из-за отсутствия жертвоприношений), так и настоящего.

Таким образом, происходит создание национально-регионального мифа, идеологией которого становится утверждение местных ценностей и местного образа жизни посредством преобразования традиционных общеевропейских культов и персонажей, к которому приводит «магия места».

Литература:

1. *Hewitt K. Understanding English Literature / К. Hewitt. - Oxford: Perspective Publications, 1997. – 280 p.*
2. *Гарди Т. Тэсс из рода Д'Эрбервилей: Честная женщина, правдиво изображенная / Т. Гарди. – М.: Художественная литература, 1994. – 410 с.*
3. *Киплинг Р. Сказки Старой Англии / Р. Киплинг; пер. А.В. Слобожана. – Спб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1992. – 125 с.*
4. *Коллинз У. Лунный камень / У. Коллинз. - М.: Московский рабочий, 1980. – 415 с.*
5. *Остен Дж. Гордость и предубеждение. Нортенгерское аббатство. / Дж. Остен; пер. И.С. Маршака. – Пермь, 1993. - 346 с.*

6. *Тимофеев М.* Нациосфера. Опыт анализа семиосферы наций / М.Ю. Тимофеев. – Иваново: Изд. ИГУ, 2005. – 279 с.
7. *Хьюитт К.* Современный английский роман в контексте культуры. Комментарий как форма преподавания / К. Хьюитт // Вопросы литературы. – Сентябрь-октябрь, 2007. – С.46-72.
8. *Шестаков В.* Английский акцент/ В. Шестаков. – М.: Изд. РГГУ, 2000. – 188 с.